

Между прошлым и будущим

Я завершаю работу над книгой воспоминаний — «Западный экспресс». Я писал ее по заказу издательства «Вагриус» для серии «Мой XX век». Три года шла эта работа. Я весьма благодарен журналу «Октябрь», который проявил внимание к моей рукописи и главу за главой, по мере написания, публиковал ее в своих номерах. Я очень рад, что все эти три года не прерывались и контакты с моей любимой «Общей газетой». Мы общались, мы вместе переживали радости и тревоги, я читал газету и писал для газеты, принимал участие в деятельности Гостинной «Общей газеты». Год назад на целую полосу был опубликован отрывок из новой книги, посвященный Ванессе Редгрейв. И вот теперь, при финале моих трудов, мне захотелось представить фрагменты последней главы книги. Для внимательного читателя это «рифма» к главе о Ванессе. И тут, и там речь идет о моем прикосновении к кипению общественных страстей. Каждый раз такое прикосновение оборачивалось НЕУЧАСТИЕМ, а потом ОТСТРАНЕНИЕМ от движения масс, партий, кланов. Гордиться нечем. Но и каяться не в чем. Так было, и, думаю, не один пережил подобный феномен склонения души к одиночеству на фоне громогласия и всевозможных объединений. Меня звали, меня приглашали, одно время меня даже соблазнили. Сугилили выгоды и звали к моему чувству долга. Поверьте — не умом, не расчетами, а каким-то внутренним упрямством или голодом свыше — я не мог присоединиться ни к кому. Мне кажется, об этом важно рассказать — ведь XX век это и мой век, моя жизнь, мой опыт. А так как в силу актерской профессии весь мой опыт на виду, то людям, возможно, интересно узнать, что в действительности стояло за моими сценическими и кинорежиссерскими.

Сергей ЮРСКИЙ

Я был неправ! Тысячу раз был я неправ, так раздраженно прошлись с Парижем! Я совсем не спал последнюю ночь в моей квартире в картине Берлиоза, № 12. Я собирал вещи и ликвидировал следы моего пребывания. Печали не было, было раздражение. Я писал:

Я никого здесь не оставил,
И ничего здесь не забыл.
Я просто прибыл, ушел, был.
Запомни хлопающий ставень
Среди ночи, пустой мой дом.
Мы делали только дело,
Было уютно. Надоело,
И врань ли вспомнится потом.

Светало рано. Мягко прогрохотал по насипи первый товарный поезд с минеральной водой Эвиан. Я написал:

Неволя с волей перепутал,
Снежа в Москву, скажу всерьез —
Встреча весело, без слез
Последнее в Париже утро.

Я улетел из самого прекрасного города мира и прибыл в тревожащую Москву, от которой успел отвыкнуть.

Это было самое катастрофическое время для театра — весна 91-го. Залы были пусты. Люди ходили на митинги. Толпы слушали выступления экономистов в концертных залах и на площадях. Спектаклей смотреть не хотели. Кроме того, у людей не было денег на театр. Кроме того, возвращаться поздно из центра в спальные окраины было опасно. Нападали, грабили.

В этой обстановке Париж вспоминался сном, причем сном вдохновляющим. Играя вместе с французскими актерами, я, может быть, впервые осознал особенности НАШЕЙ театральной школы. Она не лучше французской — у них прекрасный театр и прекрасная публика, — но это все ДРУГОЕ. Наши зрители вкладывают в слово «театр» несколько иной смысл, они ходят на спектакли с другими целями. Впрочем, в данный момент они просто не ходили в театр. Это было непривычно и ужасно.

Усталости не было. Кипела энергия. Тогда я не сознавал, что это был шлейф влияния бодящего духа Парижа, требующего деятельности и соревнования. Я выступил на новом для себя поприще — прочел пять публичных лекций в ГИТИСе — в большой аудитории для студентов всех курсов и преподавателей. На сцене в диалоге со мной на этих многочисленных собраниях была блистательная Наталья Крымова. Мы общались кризис театра, перспективу театра, систему Михаила Чехова.

Я почувствовал, что соскучился по театру. Мой репертуар в театре Моссовета к тому времени иссяк. Последние два года я занимался искусом. Потом была Франция. Я оказался артистом без ролей. Среди разговоров и переговоров мелькнуло имя Гоголя и пьеса «Игроки». Я отбросил эту мысль — хотелось современности, все бурлило вокруг. Я все-таки открыл томик Гоголя...

З то была ослепительная вспышка! Господа! Слово «Господа» стало входить в лексикон нашей речи, вытесняя слово «товарищи». И гоголевский текст ТЕПЕРЬ можно было воспринимать как современный. Никакая не история — это современные обманщики и притворщики. Вот липовый полковник

милиции — Кругель, вот фальшивый депутат и общественник — Утешительный, вот минимал профессор — Глов, а вот ЯКОБЫ должностное лицо... И все — ВСЕ! — ненастоящие, все «делают вид!» Вот только кучер... да, что за проблема! Вместо кучера будет таксист, вместо полового в гостинице будет горничная — и все! Никаких изменений в тексте. Это не будет, как у Ильфа и Петрова: «Пьеса Гоголя. Текст Шерешевитова». Текст будет Гоголя. А вот место действия — гостиница Приморская в Сочи. Время действия — сейчас. С пристани будет доноситься «Миллион, миллион, миллион алых роз» голосом Аллы Пугачевой. А по телевизору пойдут «Вести» с Фларковским и Киселевым. А потом запоем Лучано Паваротти «O sole mio», как он пел это на закрытии футбольного чемпионата.

Кто должен играть этого Гоголя, опрокинутого в современность? На этот раз я не стал мысленно распределять роли среди артистов своего театра. В стране был кризис. В театре был кризис. В мозгах был кризис. Все привнес механизмы и взаимодействия переставали работать. Я поставил вопрос иначе — кто лучше всех сыграл бы эту роль? Кто больше всего подходил внешне и при этом обладает юмором, мастерством, чувством стиля, разительностью и... свободным временем, чтобы участвовать в этой задаче. Согласитесь, не простая задача! И тут — впервые — пришло в голову — ведь у нас актеры ВЫСОЧАЙШЕГО класса, теперь, похолодя по парижским театрам, могут уверенно сказать — ВЫСОЧАЙШЕГО! Я знаком со многими из них. Да чего там, я знаю их ВСЕХ! Либо в кино когда-то снимались вместе, либо в концертах участвовали, или просто встречались. Но как жаль, что мы никогда не попробовали играть вместе в спектакле. А что если...

Первый, кому я позвонил, был Калитин. Без секунды колебаний он принял предложение играть в современном Гоголе. Он сказал, что на ТВ играл Икхарева в «Игроках», но теперь ему даже интересно сыграть роль Утешительного. Время? Время найдем.

Я позвонил Жене Евстигнееву. С ним были знакомы гораздо ближе, но не виделись уже несколько лет. Женя пробасил: «Давай попробуем, съемку у меня сейчас нет, а с остальными разберусь».

Кто еще оказался в нашей труппе? Сегодня я хочу просто перечислить этих дорогих мне людей и показать вам их на коллективной фотографии десятилетней давности.

Ш до лето 91-го. Прошел референдум о сохранении Советского Союза. Ельцин начинал самостоятельность РСФСР. Горбачев вел борьбу на многих фронтах. Мир увлеклся Россией и всем российским. Демократия взлетала на высоты и шмякалась о землю. А люди... массы людей... то есть не все массы, а массы в больших городах, особенно в столице, были исполнены надежды и предчувствия добрых перемен. Свободы нам, свободы, и все устроится! И в это время я вчитывался в Гоголя, и лезла в глаза слова пронзительного автора и пророка:

«Странно, отчет русского человека, если не смотреть за ним, делается и пьяницей, и гоголем».

От недостатка просвещения. Бог весть от чего? Вот ведь мы и просветились, и в университете были, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Ни чему. Так и другие товарищи».

(Это у Гоголя так — «товарищи» — у

Сидят — Вячеслав Невинный, Евгений Евстигнеев, Наталья Тенюкова, Сергей Юрский, Леонид Филатов. Стоят — Александр Аронин, Юрий Черкасов, Геннадий Хазанов, Александр Калитин, Давид Смольянский, Наталья Макарова, Александр Яцко

Гоголя. Мы не подгоняли под наше время!

«Эх, господа! Ведь вот тоже сочинители разные все подменяются над теми, которые берут взятки; а как рассмотришь хорошенько, так взятки берут и те, которые повыше нас. Ну, да вот хоть и вы, господа, только разве что придумали названия поблагодарней: пожертвование там... или там, Бог ведает что такое, а на деле выходит — такие же взятки».

Вот тебе и Гоголь! Вот тебе и первая треть XIX века. Вечно, что ли, тексты будут современны? Может, и вечно. Потому и называется — КЛАССИКА!

Спектаклю решено было дать название «Игроки-XXI». Будущая труппа была названа «Артисты-XXI». Одна из первых антрактов того времени. (Если не первая?) И с этим уехали мы с Тенюковой в Сочи — в санаторий «Актёр». Купаться, отдыхать, но, главное, завершить все литературные работы по «Игрокам». Были добавлены тексты из «Мертвых душ», из другой прозы. Но Гоголь — персонажи должны говорить только текстом Гоголя. Шел август, и Черное море было роскошно.

И грянул путч. Форосский пленник. Дрожащие руки одиозного диктатора Янаева. Ельцин на танке. Балет «Лебединое озеро». Появление радио «Эхо Москвы».

Немедленно вылететь из Сочи не представлялось возможным. В санатории водораздел расскос население — кто за Ельцина, кто за ГКЧП? С Теймуром Чхеидзе, жившим двумя этажами ниже, объединились в нашем номере. Сидели перед телевизором, ждали новостей. На экране мелькали старые фильмы, и новости просачивались редко. Было тревожно. В ночь с 20-го на 21-е я писал:

Агония страны, знойник
порвался внутри,
Медикаментов нет, погибли все врачи.
Ну, что же, господа,
товарищи или судья,
Пора держать ответ,
пора прозреть в ночи.

Не немцы у ворот,
а собственные танки.
Не Прага, не Кабул,
захвачена Москва.
Ну, что же, проснись, народ!
Тронь с мертвенной стоянки!
Ты долго шёл нуль.
Ты слишком долго спал.

Финал был совсем патетический — такое было настроение:

Гражданская война?
А что поделал, братцы?
Все круглые слова да круглые стои.
Накупились стои!
Пора за колья братья.
Все отняли права,
и скалятся стои.

Мне некому было показать эти стихи, но я был доволен, что они написаны.

Волна отчаянного восторга, бушевавшая в столице, докатилась и сюда — под пыльные санаторские пальмы.

22 августа мы все-таки добрались до Москвы.

Я помню это непроходящее возбуждение. Противостояние кончилось. Победили наши. Даже не абстрактно «наши», а конкретно — мои — там, на баррикадах, было много знакомых и близких. Но как же быстро они победили, я только-только успел добраться до места событий, а уже все и кончилось. Так силен и непобедим был дух защитников? Так славы были заговорщики? С танками, с войсками, с налаженной системой приказов и подчинения так были слабы и нерасторопны? Или они просто спрятались на время? Ведь нельзя же было не заметить, какие оскальки высунулись отсюда за эти дни, будто только и ждали сигнала. Куда ж они теперь делись?

И что должен сделать я, лично я, замкнувшийся в стихах на поступок и оползавший его совершить? Сердце стеснено. Смесь восторга, отчаяния, стыда и тревоги. Почему-то молчат телефоны всех знакомых. Да и не тинет расспрашивать. Хочется видеть и участвовать. Я иду на улицу.

Возле метро «Смоленская» РАЗДАЮТ номер новой небылой газеты — громадными буквами заглавие — «ОБЩАЯ ГАЗЕТА».

Содержание резкое, взрывное. Именно от этих бумажных полос возникает чувство — мы на переломе! Революция? За пару дней? Но ведь и Октябрьская свершилась за сутки. А потом сменяется лет.

Учредитель газеты Егор Яковлев. Вспоминаю, ярко вспыхивает перед глазами картина: Париж. Площадь у входа в Grand Palais. Вечер. В этом огромном зале сегодня дают премьеру — представление-балет Мориса Бежара в честь 200-летия Великой Французской Революции. Я одиноко двинулся внутри чужой нарядной толпы, и вдруг — передо мной совершенно знакомые, радостные и слегка хмельные лица — Егор Яковлев и Лен Карпинский. Мы обнимаемся как родные, хотя совсем не так близко знакомы. От них веет новизной и силой того, что происходит сейчас там, в Москве. Здесь, в Париже, юбилей революции, а сама революция там. И вот они передо мной, ее деятели. И мне хочется быть с ними.

Теперь я жалко поглощаю «Общую газету» Егора Яковлева и, оглянувшись, вижу: все пространство возле метро пестрит большими листами в руках у читающих.

Я двигаюсь по Садовому в сторону Нового Арбата. Народа все больше. Я стараюсь преодолеть свой страх перед толпой. Я хочу быть со всеми. Я иду в направлении толпы и в темпе толпы. Вспоминаю: зимой в парижском пригороде Бобинья я двигался с огромной толпой на митинг против войны в Ираке. Были лозунги, крики, трибуна, ми-

крофоны. «Остановить агрессию против Ирака!» В той толпе я был случайным спутником. Я знал, что Ирак сам совершил агрессию против Кувейта. Я сделал усилие и вышел из толпы — это серьезные проблемы, но это чужие проблемы. Но здесь, в Москве, — все проблемы мои. Я не знаю, почему мне так трудно, почему я чувствую, что не я иду в толпе, а толпа несет меня, лишая меня воли и не давая за множеством спин разглядеть цель движения.

Я не пишу историю 91-го. Я пишу всего-навсего историю АРТЕЛИ АРТИстов, решивших в переломный момент жизни страны вернуть зритель в театр, чтобы смотреть насмешливую и горькую пьесу Николая Васильевича Гоголя. Но забываем и очень важен для меня фон, на котором это происходило.

Толпа на Манежной площади была несметная, то есть во всю ширь от Александровского сада до гостиницы «Националь» и во всю длину от Манежа до гостиницы «Москва» стояли плечом к плечу. Шел митинг, и помост сделали у главного входа в Манеж. Я стоял там, где впадала в площадь улица Горького (это были последние дни, что она называется именем Горького, — в прошлом и в будущем Тверская. Раз уж зазели в скобки, то не удержусь и замечу — это хорошо, что Тверская, но мне лично жаль, что имени Горького не осталось в Москве ничего, даже станции метро. Любят у нас поприжать то, кому недавно поклонялись). На помост вышли люди. Видно было плохо — далеко! Слышно тоже неважно — динамики настоящего качества не обеспечили. Говорил Михаил Сергеевич Горбачев, говорила Елена Георгиевна Боннэр. То, что доносило до нас, было хорошо и правильно. Слова Боннэр мне всегда кажутся ценными — никакими общими мест, никогда. Был ли Ельцин, почему-то не помню. Кажется, на этом митинге его не было. Но все равно настоящие герои этих дней были, конечно, он. И еще три погибших парня. Им, собственно, и был посвящен митинг — пролившейся крови. Потом к микрофону подошел еще кто-то (не разбирать — далеко) и к чему-то нас призывал. Мы, то есть вся толпа, единодушно что-то ответили.

И тысячи людей тронулись к месту гибели трех жертв — востания народа, что ли... или путча, или малокровной революции, или, как именовалось официально, Защиты Белого дома. Мы двигались во всю ширь Нового Арбата. Местами звучала музыка. Местами пели. Иногда шеренга, человек в сто, брала под руки. Лица были хорошие. Многие в очках. Много седых. Я присоединялся к разным группам, но долго не задерживался. Хотелось послушать толпу во всем разнообразии. Выкрикивали лозунги. За свободу, за демократию! Проклинали тех, по чьей вине погибли парни. Люди рассказывали подробности. Но подробности путались. Со слов очевидцев получалось,

что танк шел вовсе не к Белому дому, а как раз перпендикулярно в сторону — по Садовому кольцу. И будто бы танк пытался поджечь, потом, на выходе из туннеля, накрыли чем-то башню, лишав танкиста видимости. И это были вовсе не те, погибшие, а совсем другие молодые люди, а эти попались по несчастью. А водитель танка ни в кого не стрелял, а выполнял приказ по передвиганию и просто растерялся, когда на машину напали.

Мы шли, взявшись под руки, и пели песню Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья». Пели от души, но так как слишком много народа пело, получалось нестройно.

Над злобастным туннелем начался второй митинг. Но уже совсем ничего не было слышно. Я выбрался из толпы и пошел домой, благо недалеко — Гагаринский переулок (бывшая Рыбная).

Чувствую, что отступление мое затянется, но нельзя миновать важнейшей темы — необратимого перелома, который происходил в стране, в общественном сознании и в моем сознании. Мой XX век — мой тоже! Но ведь он наш, общий! Я искренне хотел бы со всеми. Или хоть с кем-нибудь. Но не получалось. На трибуны митингов меня не тянуло, а стояние в толпе утомляло, и никогда меня не охватывало общее с толпой чувство. В эти самые дни я создавал нашу актерскую АРТЕлю, а все большие объединения вызвали отторжение. Как актер, я был человеком публичным, узнаваемым. Меня звали в разные собрания, движения, направления. Некоторым я сочувствовал. Но не мог преодолеть этого быстрого утомления от разговоров, программ и хороших выкриков. Я мучился и при первой возможности убежал из толпы.

К этому 91-му году присоединился один более поздний эпизод, чтобы иллюстрировать подтвердить неслетное для меня, но искреннее признание.

Октябрь 93-го. Москва. Снова учебные события. Теперь не Защита, а Штурм Белого дома. Указ Ельцина № 1400 — фактическая отмена одной из ветвей власти. Макашова и Баркашова. Призывы Рушского. Хулиганствующие толпы в «Останкино». В вечерний час 3-го числа Егор Гайдар по телевизору обращается к нам, к гражданам, — придите защищать демократию, выходите на улицу. Мы ждем вас у Моссовета.

Я верю Гайдару и прихожу на призыв. Толпа возле Юрия Долгорукого. Темно и очень холодно. Вижу Смокуновского в кругу спрашивающих его, что делать, как защитить священные права свободы, частной собственности? Иннокентий Михайлович пытается что-то разъяснить, но чаще разводит руками. Кто-то кричит в рупор — двигайтесь к Спасским воротам. И я иду к Спасским воротам. Иду один среди нестройного множества людей. Хорошо помню — шаркают ноги. Множество ног. И холодно. Почему-то мы идем не через Ма-

неж, а в обход — через Лубянскую площадь, Китай-город на набережную и, пройдя под мостом, по Васильевскому спуску к кремлевской стене. И вот идем от Политехнического вниз, к реке. Сбоку от меня две женщины. Седые волосы выбиваются из-под беретиков. Руки в карманах курток. Стопанные каблуки у туфель — почему-то хорошо помню эти кривые каблуки. И одна пожилая в плохой одежде говорит другой пожилой в плохой одежде: «Вера Никитична, неужели ОНИ осмелятся закрыть частные банки?» Мне хотелось спросить их: «А вам-то что?» — но я промолчал, и мы шаркали дальше.

Встали полукругом у Спасских ворот. Нас было человек 200 — 300. Трудно сказать сколько — площадь большая. Но подошли еще. Опять скажу — хорошие лица. Но уже синеватые в свете фонарей, и к тому же холодно. Один старичок (очки, поднятый воротник пиджака, руки в карманах брюк) все перебрал туда-обратно и говорил: «Есть решение раздать защитникам оружие». Чего-то ждали. Ворота были закрыты. Потом одна створка отодвинулась, и сквозь щель появилось знакомое лицо — господин Костиков, пресс-секретарь президента, по профессии журналист и писатель, его часто по телевизору показывали. Мы сгрудились поближе. Старичок крикнул: «Когда будут раздавать оружие? Мы требуем нас вооружить!» Господин Костиков поднял руку и сказал: «От имени президента выражаю вам благодарность. Просьба сохранять спокойствие. Будут приняты все необходимые решения. Сейчас еще ничего не известно, но как только будет известно, вы будете оповещены. А что вам сказал, чтобы идти к Спасским воротам? Сбор же, по моему, у Моссовета».

Я ушел, потому что продрог.

Зимой того же 93-го я пошел на собрание партии Гайдара «Демократический выбор России». Дело было в битком набитом актовом зале газеты «Известия» в Нагатинском переулке. Говорили хорошо. Страна шла каким-то зигзагообразным путем, но ДВР имел еще авторитет и множество сторонников. Предложили выступить и мне. Я рассказал о двух женщинах, которые в ночь с третьего на четвертое октября так беспокоились о частных коммерческих банках. Зал слегка пошевелился. Но мне показалось, что с высоты сцены я различил в рядах и этих самых женщин, и старичка, склонного вооружаться.

Я вышел на улицу. Была сильная метель. А машины моей не было. Я заметался. Подбежал к милийскому посту на Пушкинской площади и крикнул: «У меня машину утащили!» Милиционеры меня долго не слушали, был занят разговором по телефону, а потом сказал: «Уезжайте вашу машину в отстойник за неправильную парковку». — «Куда?» — «А это я не знаю, у них разные стоянки».

Я чертыхался, ругал вух и социализм, и демократию, и милицию. Подошел парен в штатском. Сказал: «Я сотрудник угрозыска. Меня зовут Антон. Я вас видел в кино, вы с Высоцким играли. Я для вас все сделаю. Сейчас найду вашу стоянку». Он стал звонить по телефону, набирая десятки номеров и крича: «А ты у меня спроси! А он пусть Зубабу позвонит... Нет, скажи! А я тебе говорю, скажи! Ты «Место встречи изменить нельзя» видел? Ну, и все, у меня тут человек отсюда. Все, через пять минут перезвоню. Пусть они расколют Максима, он знает». Через два часа, к полудню, на глухом посту в глухом районе, ранее мне неизвестном, я нашел свою машину со сломанным замком двери водителя и небольшой царапиной на крыле. В жарком напоявшем булке с мясом спросили миллион (помните — тогда были такие деньги). Миллион у меня был. Я крепко пожал руку Антону.

А тогда, в 91-м, мы продолжили репетировать. Потом была премьера. Спектакль имел успех у публики и мучительно не принимался критикой.

Женя Евстигнеев с блеском сыграл «академика» Михаила Александровича Глова... всего 9 раз. 1 марта мы проводили его в Англию на операцию сердца. В Англии 4 марта Женя скончался в клинике. Похоронили его в Москве на Новодевичьем кладбище.

Потеря для России и для нас, в частности, была невосполнима. В наш точно выверенный спектакль невероятно трудно было ввести кого-нибудь другого. Поэтому я оставил свое режиссерское место в зале и вышел на сцену в роли Глова. В этом составе мы и играли до конца.

Никогда в моей жизни не было столько счастливых совпадений, как на пути к премьере «Игроков», и я благодарен за это судьбе. Ужасные удары сопровождали жизнь этой злой комедии — смерть Жени, тяжелая болезнь Лены Филатовой. По сравнению с этим обиды, нанесенные критиками, кажутся если не комариными укусами, то жалом осы. Больно, но вытерпеть можно.

Еще раз я вспомнил фразу моего любимого Ибсена: «Более всех силен тот, кто более всех одинок». Справедливо. Но в этот период я еще и не был одинок. У нас была АРТЕль!

Главный редактор номера: Егор ЯКОВЛЕВ
Газета зарегистрирована в Мининформсвязи
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией,
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23. Т/ф: 915-26-06, e-mail: ivov@og.ru
Отдел региональных проектов:
Тел.: 915-22-66, e-mail: deeva@og.ru
Связи с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛОНЦ
Тел.: 915-70-40, e-mail: pr@og.ru

Верстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
С этой газетой, а также в рамках
публикуемых пресс-релизов, информа-
ционных коммерческих материалов,
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 212595 экз. (региональный — 152000 экз.)
Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене
Группа компаний «ПРАБЛИК ПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса»
125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. Правды, 24
Номер подписан в печать 15.08.2001 г.
Заказ 2019. 1 2 3

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71, e-mail: sekretar@og.ru. Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru (а также в базах данных www.park.ru; www.rns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). Адрес «Гостинной «ОГ»»: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22.

Егор ЯКОВЛЕВ — главный редактор. Юрий СОЛОМОНОВ — первый заместитель главного редактора. Игорь ЯКОВЕНКО, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ — заместители главного редактора. Елена РЫМКО — заместитель главного редактора, директор по развитию.

Редакторы: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Наталья КЛОЧУК, Игорь НАЙДЕНОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВЕЦ, Мария СЕДЫХ, Борис ЮНАНОВ.

Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректор). Руководители направлений: Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Ирина МЕДОВОЙ (мировоззрение), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛПЕНЧЕНКО (спорт).

Обозреватели: Бахтияр АХМЕДХАНОВ, Олег ВЛАДИКИН, Максим ГЛИКИН, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА, Елена ДИКУН, Виктор ЛИТОВИЧ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юлия ЧУПРИНИНА.

Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Павел БЫКОВСКИЙ (Минск), Наталья ГОЛЦЫНА (Лондон), Владимир ГОЛОВИН (Иерусалим), Лариса ДЯЧУК (Киев).

Наталья ЛОПАТНИКОВА (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт), Елена ПАНОВА — финансовый директор, Елена БОГДАНОВА — помощник главного редактора.